Т. Ф. ТЕПЕРИК

Теперик Тамара Федоровна
доктор филологических наук
доцент, кафедра классической филологии,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Россия, ГСП-1, 119234, Москва, Ленинские Горы, 51
Тел.: +7 (495) 939-20-06
E-mail: teperik@mail.ru

Невербальный текст и политический контекст в биографии Плутарха «Александр»

Аннотация. В статье анализируются художественные средства поэтики невербального поведения, связанные с семантикой мотивов смеха и страха в биографии Плутарха «Александр». Делается вывод о том, что эволюция характера героя биографии связана с его растущим опасением относительно утраты власти. Это акцентируется с помощью угасающего мотива смеха, имеющего ключевое значение среди средств невербального текста, с одной стороны, а также все возрастающего мотива страха, с другой.

Ключевые слова: персонаж, мотив, власть, биография, поэтика, история

Во вступлении к биографии Александра Македонского сказано, что добродетель и порок проявляются не только в блестящих подвигах, что не только великое, масштабное, но и мелкое, на первый взгляд несущественное, событие может оказаться важным для понимания личности героя биографии:

> Мы пишем не историю, а биографию, добродетель и порок раскрываются не только в блестящих подвигах: часто незначительный поступок, слово или шутка лучше обнаруживают характер человека, чем битва, приведшая к десяткам тысяч трупов [Плутарх 1990: 362][1].

Случайно ли этот пассаж содержится в биографии Александра? Можно ли считать ее текст одной из иллюстраций данного тезиса? Если дело обстоит таким образом, имеет смысл обратить внимание на описание привычек ге-

[1] Русский текст биографии Александра рассматривался по изданию [Плутарх 1990], греческий — по [Plutarch 1967].

© Т. Ф. ТЕПЕРИК

роя биографии, например, на его удивительную способность к воздержанию: Александр умерен в еде, умерен в питье и, в отличие от того, что передают другие источники, он умерен и сексуально (Plut. Alex. XXI). Правда, всему этому всякий раз дается свое объяснение: если Александр и любит проводить время за пиром, то главным образом оттого, что ему нужен досуг с друзьями (Plut. Alex. XXIII)[2]; неумеренность в еде — существенное препятствие для полноценной воинской жизни (Plut. Alex. XXII), а сексуальная умеренность Александра, согласно Плутарху, происходит от ощущения царем собственной смертности, охватывающего его как после близости с женщиной, так и после сна, ведь «утомление и сладострастие проистекают от одной и той же слабости человеческой природы» (Plut. Alex. XXII). Этой деталью показано, как человек, постоянно рискующий жизнью в бою, боится смерти в самых, казалось бы, жизненных ситуациях. Но если учесть, что герой биографии — правитель, сумевший сконцентрировать в своих руках не только военную власть, то важен и политический контекст, так как эволюция личности героя биографии может определяться и характером его власти.

Вначале образ Александра у Плутарха исполнен сил и любви к жизни, в поступках его всегда обнаруживается человеколюбие, особенно заметное в обращении с семьей Дария, за что, собственно, царь персов и прощает своего врага, и просит Полистрата: «передай ему (Александру. — *Т. Т.*) мое рукопожатие» (Plut. Alex. XLIII). Это жест символический, как и жест самого Александра, покрывающего тело Дария плащом [Шахермайр 1986: 189]; таким образом, оба жеста — свидетельство чувств персонажей: благодарности проигравшего и человечности победителя.

Позже, в Индии, Александр и сам протянет руку Таксилу, в знак дружбы (Plut. Alex. LIX); таким образом, весьма полифункциональный в гомеровских поэмах жест [Теперик 2015: 293] у Плутарха сужается до проявления благодарности или установления союза, причем оба раза, заметим, речь идет вообще-то о врагах. Для подобного сужения есть различные причины, и одна из них — литературного свойства, поскольку в распоряжении художественного языка поздней греческой прозы уже выработаны иные, более разнообразные, в сравнении с языком ранней эпической поэзии, приемы, касающиеся поэтики невербального поведения, языка жестов [Теперик 2016: 26], среди которых имеются и такие, которые в большей степени характеризуют склад личности персонажа, а не только его отношение к той или иной ситуации. В первую очередь это касается изображения жестов спонтанных, непроизвольных, когда, например, Александр, не сдержавшись, швыряет в своего дядю Аттала кубок (Plut. Alex. IX), или же, не найдя кинжала, в гневе бросает в своего друга Клита яблоко (Plut. Alex. LI). И если в начале биографии говорится, что Александр способен удержаться от влечения к тому, что ему нравится, то позже описывается, как он не способен принять того, что ему не нравится, хотя впоследствии он и будет раскаиваться в каком-либо своем опрометчивом поступке[3].

---

[2] «К вину Александр был привержен меньше, чем обычно считали; думали же так потому, что он долго засиживался за пиршественным столом. Но в действительности Александр больше разговаривал, чем пил (Plut. Alex. XXIII).

[3] На способность Александра испытывать раскаяние, отличающую его от других царей, обращает внимание и Арриан [1993: 246].

При этом, по мнению автора, у Александра превосходное чувство юмора, и согласно тому, что именно о шутке автором говорится, что она порой способна характеризовать больше великих свершений, в биографии описаны шутки — как главного героя, так и других персонажей. Так, Александр позволяет шутить с собой гетере Таиде, т. е. происхождение или социальный статус в шутливой коммуникации особого значения не имеет. Или, не получив ни разу от Серапиона, партнера по игре, мяча и услышав такое объяснение: «Так ты ведь и не просишь», Александр рассмеется — ведь это вполне согласуется с тем, о чем он сам говорил друзьям: «Если они хотят от него получить что-то, сначала надо у него это попросить» (Plut. Alex. XXXI). Серапион сказанное Александром в одном контексте перевел в другой, игровой, и, хотя он, в общем, над словами царя подшутил, Александр не только не обиделся, но, засмеявшись, еще и наградил партнера по игре за эту шутку.

Рассмеется Александр и тогда, когда софист Анаксарх спросит, может ли Александр, объявивший себя сыном Зевса, делать что-то из того, что могут только боги, например, метать громы и молнии. Хотя подобный вопрос выглядит как сомнение в силе царя, Александр обратит и это в шутку, рассмеявшись и объяснив, что он не желает быть страшным для своих друзей, пусть кому-то и не нравится, что он не жесток и что за обедом у него всего лишь рыбы, «а не головы людей». Осознанное нежелание внушать страх звучит и в ответе на другие слова Анаксарха, упрекавшего Александра в том, что, подвергаясь величайшим опасностям, в обычной жизни он не отличается от о б ы к н о в е н н ы х, п р о с т ы х людей (Plut. Alex. XXVIII). То обстоятельство, что Александр, уже будучи царем и полководцем, был одновременно и человеком о б ы к н о в е н н ы м, сохранявшим необходимую дистанцию между видимостью и сущностью, и составляло, по Плутарху, силу юного правителя, что особенно акцентируется изображением ш у т о к и с м е х а. Например, когда Александр шутит, что смотреть на персидских женщин вредно для глаз (Plut. Alex. XXI), то эта шутка отражает как его восхищение женской красотой, так и осознанный отказ от обладания ею, в ней — приятие ситуации таковой, каковой она, в сущности, и является. Получив власть над персами, Александр не желает использовать ее как власть над персиянками — вот о чем сказано, по существу, этой шуткой.

Однако если царь не хочет использовать свою власть для обладания своими пленницами, не уронив при этом лица, это не означает, что он не может над этим подшутить; шутка, таким образом, показывает силу царя, а не его слабость.

Другой контекст. Парменион будит Александра, спящего крепким сном перед битвой при Иссе: «Почему ты спишь сном победителя, когда тебе предстоит величайшее сражение?» Александр ответит и на этот упрек улыбкой: «Разве т ы н е в и д и ш ь, что мы у ж е одержали победу, потому что не должны больше искать Дария?» (Plut. Alex. XXXII). Величие царя заключается, таким образом, в том, что он видит недоступное другим, чего не видит даже его самый опытный полководец.

Акцент на том, что Александр говорит о чем-то, с м е я с ь и у л ы б а я с ь, обозначает его приятие ситуации: даже если что-то идет не так, в целом ситуация ему н р а в и т с я. Ему нравится, когда воин требует в награду за убитого

врага золотой кубок, потому что Александру нравится, когда за него сражаются, и он с м е е т с я, говоря: «Да это же пустой кубок! А я вот наполню его вином и сам выпью за твое здоровье — вот это будет награда!» (Plut. Alex. XXXIX).

Улыбка и смех — проявление чувств персонажа, чей портрет в биографии создан больше средствами поэтики невербального поведения, чем вербального, ведь в войнах ему больше приходится действовать, чем произносить речи; единственная длинная речь в биографии принадлежит как раз не Александру, а его противнику Дарию. Краткость же высказываний Александра («Не краду победу» и т. д.) делает их почти афоризмами, из чего следует, что он способен быть красноречивым, владея антитезами и сентенциями, но просто особенно много говорить ему н е к о г д а. Потому он так любит пиры — ведь там можно поболтать, пошутить, посмеяться, и эту способность шутить и смеяться он сохраняет даже в самых опасных ситуациях. Например, при длительной и, казалось бы, безнадежной осаде Тира прорицатель, осматривая внутренности жертвы, скажет, что город будет взят еще в этом месяце. Однако тот день и был последним днем месяца, и хотя слова прорицателя вызовут у присутствующих приступ смеха, Александр найдет остроумное решение, которое устроит и воинов, и гадателя: считать этот день не последним, а 28-м днем месяца! Если в его руках власть, почему бы не использовать ее на пользу дела, а не только для наказания или укрепления своего превосходства?

Такое поведение Александра — свидетельство не просто его приятия ситуации, какой бы она ни была, а осознанного стремления ее подчинить, что также следует признать проявлением силы, а не слабости.

Это сочетается и со стремлением к и с т и н е в судебных решениях, когда наказывались лишь изобличенные в преступлениях.

> В первые годы царствования, разбирая дела об уголовных преступлениях, наказуемых смертной казнью, Александр во время речи обвинителя з а к р ы в а л о д н о у х о р у к о й, чтобы сохранить слух беспристрастным и не предубежденным против обвиняемого (Plut. Alex. XLII).

Данный жест также символический — это не защита от лишнего шума, а невербальное проявление позиции судьи, его установки на объективность расследования, на беспристрастность: чтобы свершилось правосудие, правда должна быть показана таковой, каковой она является, а не такой, какой она видится правителю, — вот о чем сигнализирует данный жест.

Как же случилось, что такой человек в приступе ярости мог убить своего лучшего друга, да еще спасшего его когда-то в бою? В случае с Филотом хотя бы были показания заговорщиков [Nawotka 2010: 289], но в чем состояла вина Клита? В научной литературе казус Клита рассматривается больше как материал исторический, чем литературный [Шифман 2007: 102], в то время как Плутарх, считая его не умышленным убийством, пусть и отягченным опьянением, и здесь (на что обращают внимания меньше) акцентирует невербальное поведение персонажей, а именно смех: Клит н а п и р у о т к а з ы в а е т с я с м е я т ь с я над тем, над чем, как он считает, смеяться недостойно. То, что Плутарх здесь скорее на стороне Клита, следует из его оценки остроты Ге-

гесия относительно рождения Александра, которому-де сама Артемида помогла явиться на свет и так была занята этим делом, что даже не заметила, как сгорел ее храм. Плутарх полемизирует с такой остротой, замечая, «что от нее веет таким холодом, что он способен заморозить пламя пожара, уничтожившего этот храм» (Plut. Alex. III). Тем самым автор тоже иронизирует, и его острота демонстрирует: шутка шутке — рознь, для возможности шутить важен контекст. Поэтому знающий в шутках толк автор останавливается на музыкальном сопровождении пира, где пелись песенки, высмеивающие македонских полководцев, проигравших в недавнем сражении. Люди зрелые и серьезные, пишет Плутарх, остались этим, т. е. насмешками над побежденными, недовольны, в то время как Александр и его окружение лишь веселились, требуя продолжения. Это, собственно, и побудило Клита сказать, что нехорошо смеяться над чужой бедой, а тем более оскорблять македонян, которые уж во всяком случае получше тех, «кто над ними смеется» (Plut. Alex. L). Аналогичных сцен в мировой литературе, когда реакция людей с совестью радикально отличается от тех, кто не задумываясь способен смеяться над поражением союзника, изображено достаточно, одна из самых ярких — реакция Андрея Болконского на шутки сослуживцев по поводу поражения австрийских войск под командованием генерала Мака в романе Л. Н. Толстого «Война и мир».

«Смеяться над чужой бедой нехорошо» — это же так очевидно! Отчего же тогда Александр так сильно негодует, что друзьям приходится увести Клита с пира? Очевидно потому, что теперь уже лишь один царь решает, что является смешным, а что — нет. Если Александру с его друзьями смешно, если им слушать такие песенки весело — значит, так тому и быть.

А если находится тот, кто этого не понимает, кто возражает, то сначала в него запустят яблоком, а затем такой человек, попавшись разъяренному царю на глаза еще раз, может получить и удар копьем, оказавшийся смертельным (Plut. Alex. LI). Случайный удар может, конечно, оказаться смертельным, но гневается Александр далеко не случайно, его нежелание сопротивляться аффекту закономерно, пусть потом он и раскается, что следует из описания невербального поведения:

> Проведя всю ночь в рыданиях, он настолько изнемог от крика и плача, что на следующий день лежал безмолвно, испуская лишь тяжкие стоны (Plut. Alex. LII).

Сильный аффект в одном случае, сильный аффект в другом — в контексте всей биографии это в большей степени подчеркивает изменения, происходящие в самом характере персонажа, чем всего лишь его психический склад. Ведь Александр быстро утешился, получив устроившее его разъяснение: тому, на кого смотрит весь мир (εἰς ὃν ἡ οἰκουμένη νῦν ἀποβλέπει), не следует бояться человеческого суда (ἀνθρώπων νόμον καὶ ψόγον δεδοικώς), к тому же «Зевс для того и посадил рядом Справедливость и Правосудие, дабы всё, что ни совершается повелителем, было правым и справедливым (ὑπὸ τοῦ κρατοῦντος θεμιτὸν ᾖ καὶ δίκαιον)» (Plut. Alex. LII). Это объяснит ему всё тот же софист, про которого автор пишет: «с самого начала он пошел в философии особым путем и был известен своим презрительным отношением к общепринятым

взглядам». Неудивительно, что и царю он «внушил еще большую надменность и пренебрежение к законам (τὸ δ᾽ ἦθος εἰς πολλὰ χαυνότερον καὶ παρανομώτερον ἐποίησεν)» (Plut. Alex. LII).

Но что такое это неуважение к закону, постепенно занимающее прочное место в структуре личности Александра? Для правителя это означает не просто усиление собственной власти, а фактически ее неограниченность.

Если раньше невербальный жест Александра характеризовал его стремление к правосудию, то теперь другое невербальное проявление чувств, а именно скорость, с которой высыхают его слезы, переход от сильного горя к быстрому успокоению, характеризуют происходящие в характере царя изменения, так как уже запущен разрушительный процесс — отождествление себя с властью. Проблема получения власти может быть политической проблемой, как и проблема ее сохранения, но есть и другая проблема — распоряжения властью. А это даже у великих может закончиться, как, собственно, и показывает Плутарх, личностной деформацией.

Одним из симптомов этого изменения является угасание смеха; не случайно этот мотив, столь яркий в первой части биографии, дальше постепенно исчезает. Раньше трудно было отклонить Александра от того, на что он решился, теперь с помощью аналогичной лексики подчеркнуто, насколько сам он становится труден (т. е. опасен) для окружающих. Потому, как пишет автор, Александр, находясь в плену «многочисленных измышлений, скрывающих ложь под личиной истины», сам перестает видеть истину и в каком-то смысле даже «мыслить разумно» (Plut. Alex. LXX II).

Теперь Александра характеризует эпитет «неумолимый»; перед индийским походом он уже страшен во гневе и беспощаден при наказании виновных (Plut. Alex. XL II). Тот, кто еще недавно не хотел быть страшным, все-таки им становится, и мотив смеха в биографии постепенно сменяется мотивом страха. Не случайно в Индии на вопрос «Кого больше всего любят?» Александр получает такой ответ мудреца: «Кого не боятся, хотя он самый могущественный» (Plut. Alex. XLIV).

А самым могущественным, сосредоточившим в своих руках самую большую на тот момент власть и колоссальные территории и людские ресурсы, как раз и был тогда царь Александр, и именно его к началу индийского похода уже больше всего и боятся. В Индии он и совершит свой единственный позорный, по мнению Плутарха, поступок — перебьет тех, с кем заключил мир; именно в Индии он впадет в необычайно тяжелое душевное состояние — сочетание гнева и печали, ведь дальше, за Ганг, войска идти не захотят (Plut. Alex. LXII).

Это соединение, казалось бы, несоединимого — гнева и душевного упадка, и есть те «мелочи», что указывают на внутреннее состояние персонажа, которое, в согласии с вводными замечаниями автора биографии, волнует его больше, чем внешние события. Гнев и печаль — две отрицательные эмоции, по контрасту к ним возвращение из Индии описано как невероятное веселье: пурпурные ковры, колесницы, многодневные пиры, льющееся рекой вино, и все это в сочетании со страшными картинами: одни люди идут, другие в это время без сил падают; весь этот беспорядочный переход лишь подчеркивает надвигающуюся катастрофу; даже пышные театральные состязания — не что иное как следствие желания царя забыться, поскольку состязание с индийски-

ми царями победой не увенчалось. Зато появляется новый вид состязаний — в выпивке, после которого сначала в лихорадке умирает победитель, выпивший больше всех, а затем еще несколько десятков человек (Plut. Alex. LXVII), так что и свадьба Александра на Статире, и свадьбы его воинов, и потоки щедрости, проливаемой им на подданных, — ничто не дает читателю ощущения, что все идет хорошо и движется в нужном направлении. Не оттого ли, что тот, кто внушает страх, теперь уже сам исполнен тревоги и подозрительности, доверяя лишь магам, и при дворце властелина мира начинают появляться во множестве предсказатели (над которыми раньше Александр мог и подшутить). Теперь же совершаются такие обряды, содержание которых заставит Плутарха заметить: «Сколь губительно неверие в богов и презрение к ним, столь же губительно и суеверие» (Plut. Alex. LXXV).

Если раньше Александр убивал лишь на войне, то теперь он собственноручно может убить начальника караула, не оставшегося в крепости, или застрелить из лука любого, кого сочтет виновным в измене. Вершить правосудие и исполнять наказание — разные функции, но у Александра грань между ними уже стирается, и Плутарх всеми этими штрихами подчеркивает, чтó произошло: смерти на войне Александр стал бояться меньше, чем угрозы для своей власти.

Как же случилось, что власть политика оказалась важнее силы военного? Почему место смеху уступил страх, забвение от которого находится, во-первых, в «нелепых и разорительных затеях» (Plut. Alex. LXII), а во-вторых, в полном освобождении от контроля над отрицательными эмоциями. Например, Александр распинает на кресте врача своего друга, чья вина лишь в том, что он ушел в театр, а больной, воспользовавшись этим, нарушил диету, что его и убило. Или, когда Кассандр рассмеется при виде проскинезы (падения ниц подданных перед царем — дела для свободных греков непривычного), как же поступит властелин мира? Прежний Александр, вероятно, тоже рассмеялся бы вместе с Кассандром и пошутил бы по поводу «этих варварских обычаев, которым приходится следовать», но теперь в ответ на чужой смех он уже не швыряется, как раньше, попавшимися под руку предметами, а самого Кассандра с силой бьет головой о стену, и этот неконтролируемый аффект тоже демонстрирует трансформацию личности героя биографии. Кассандр ведь смеялся не над Александром — над варварами. Но проскинеза-то предназначалась ему, Александру, значит, смеяться над этим уже нельзя, тем более что, начиная с гибели Клита, только царь и определяет, что смешно, а что нет. Поэтому его бешенство — не что иное как противостояние смеху Кассандра, которого охватит страх, сохранившийся и после смерти Александра, о чем свидетельствует эпизод с головокружением при виде статуи Александра в Дельфах.

А когда Кассандр не согласится с обвинениями, выдвинутыми против его отца, то отвергнет его слова Александр уже не со смехом, а с насмешкой (использован глагол, имеющий значение ‘над кем-то смеюсь’: не gelao, а anagelao), и эта насмешка — демонстрация не примирения с ситуацией, как раньше, а неприятия ее.

В загадочной смерти Александра (которой с медицинской точки зрения находятся разные объяснения: воспаление легких, тропическая малярия и т. д.) [Шифман 2007: 204], если взглянуть на нее с этой точки зрения, по сути

не так уж много загадочного. Ведь участники винного состязания почувствовали сильный озноб, после чего все они умерли. И Александра, когда он после приема в честь Неарха, вместо того чтобы, как обычно, лечь спать после ванны, пошел в гости к Медию, где, замечает Плутарх, он пьет всю ночь и весь день, к концу которого его уже лихорадило. Но ведь раньше автором было сказано, что как раз пить Александр не очень любил, скорее он любил проводить время на пирах в беседах с друзьями. Однако про этот последний пир не сказано, что Александр провел там день и ночь, автор определенно уточняет, что его герой пил там все это время, что в контексте его душевного состояния выглядит как очередная попытка забыться, и ставшая, по сути, одной из причин, определившей столь ранний уход царя. Плутарх ведь ничего не пишет о том, что кто-то еще из греческого войска умер со сходными симптомами — кроме тех, кто принял участие в винном состязании.

Таким образом, акцент на мотивах смеха и страха в контексте изображения невербального поведения позволяет глубже взглянуть на изменения, произошедшие с характером Александра к концу его правления, так как начиная с реальных и мнимых заговоров, как реального, так и мнимого неповиновения, он стал опасаться за свою власть. И если вначале необходимая дистанция между собой и своим образом, между видимостью и сущностью, подтверждением чего была способность царя улыбаться в самых различных ситуациях, еще сохранялась, то когда жизненной доминантой стал не смех, а страх, это, по Плутарху, и ускорило конец его героя. «Установка на моральные примеры», по мнению С. С. Аверинцева, «не означает, что Плутарх относился к своим героям без критики» [Аверинцев 1994: 652]; художественный портрет у него — не идеализация, автору важнее своего героя не показать, а понять, сфокусировав внимание на тех деталях, которые лучше высвечивают внутреннюю сущность личности, или, как сказано у него самого, «углубляясь в изучение признаков, отражающих душу человека», поскольку «в каждом из нас живет страстное желание — познавать других и быть познанным самому» (Plut. Alex. I).

Будучи семантически насыщенным не только в биографии Александра, но и в парной биографии — биографии Юлия Цезаря [Теперик 2017: 516], мотив смеха акцентирует причины утраты этими правителями жизни как следствие страха утраты ими своей власти. Но вопрос о власти — вопрос политический, поэтому соотношение невербального текста с политическим контекстом в биографиях Плутарха ясно показывает: кто чрезмерно опасается потерять власть, так что это приводит к серьезным личностным деформациям, тот непременно ее потеряет. И иногда даже — вместе с жизнью, как это и произошло с Александром и Цезарем, несмотря на всю силу их власти.

Литература

Арриан 1993 — *Арриан*. Поход Александра / Пер. М. Е. Сергеенко. М.: МИФ, 1993.

Аверинцев 1994 — *Аверинцев С. С*. Добрый Плутарх рассказывает о героях, или счастливый брак биографического жанра и моральной философии // Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 2 т. М.: Наука, 1994. Т. 1. С. 637–653.

Плутарх 1990 — *Плутарх*. Александр / Пер. М. Ботвинника, И. Перельмутера // Плутарх. Избранные жизнеописания в двух томах. М.: Правда, 1990. Т. 2. С. 351–436.

Теперик 2015 — *Теперик Т. Ф*. Поэтика невербального поведения: Гомер // Романские языки и культуры: от античности до современности: VII Междунар. науч. конф. [28–29 ноября 2013 г., Сб. материалов]: Электрон. изд. / Ред. Л. И. Жолудева. М.: Изд-во Мос. ун-та, 2015. С. 283–293. URL: http://www.philol.msu.ru/dcx/RomKonf2013_sbornik2015.pdf.

Теперик 2016 — *Теперик Т. Ф*. Поэтика невербального поведения в «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха (на материале биографии «Александр») // Национальные коды европейской литературы XIX–XX веков: Коллективная монография / Отв. ред. Т. А. Шарыпина, И. К. Полуяхтова, М. К. Меньщикова. Н. Новгород: Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, 2016. С. 19–28.

Теперик 2017 — *Теперик Т. Ф*. Мотив смеха в «Юлии Цезаре» Шекспира и его античные источники // Национальные коды европейской литературы в контексте исторической эпохи: Коллективная монография / Отв. ред. Т. А. Шарыпина, И. К. Полуяхтова, М. К. Меньщикова. Н. Новгород: Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, 2017. С. 506–516.

Шахермайр 1986 — *Шахермайр Ф*. Александр Македонский. М.: Наука; Гл. ред. вост. лит., 1986.

Шифман 2007 — *Шифман И. Ш*. Александр Македонский. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007.

Nawotka 2010 — *Nawotka K*. Alexander the Great. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publ., 2010.

Plutarch 1967 — Plutarch's Lives. VII: Demosthenes and Cicero. Alexander and Caesar / With an English trans. by B. Perrin. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press; London: William Heinemann Ltd., 1967 (Loeb Classical Library).

The nonverbal text and political context in Plutarch's biography *Alexander*

Teperik, Tamara F.
Doctor of Philology
Associate Professor, Department of Classics,
Lomonosov Moscow State University
Russia, GSP-1, 119234, Moscow, Leninskie Gory, 51
Tel. + 7 (495) 939-20-06
E-mail: teperik@mail.ru

Absract. This paper investigates the indirect forms of psychological insight in *Life of Alexander* by Plutarch, which includes not only the portrayal of some gestures (the popular gesture of "taking hold of one's hand" is mentioned in the first place), but also the

overall non-verbal behavior of the character. The object under analysis is the biography of Alexander the Great, as it is here that the preamble about the crucial meaning of microgestures for understanding one's personality is found, and although this idea is important for other comparative biographies, it is the text of *Alexander* that serves, to our mind, as its best illustration. For instance, variations in the main hero's character are highlighted, on the one hand, by his diminishing ability to laugh and on the other hand, on the contrary, by the growing feeling of fear, and this fear is not so much for his life as for his power. At the beginning Alexander still has the necessary distance between himself and his image, that is, between his façade and his essence, which is proved by the emperor's ability to smile, joke and laugh in a variety of different situations and circumstances. When fear rather than laughter becomes predominant in his life, it is this fact and not only the external events, according to Plutarch, that brings his character's end closer. The motif of laughter, semantically rich, which is accentuated differently in the parallel work *Life of Caesar* as well as in *Life of Alexander*, emphasizes that the reasons why these rulers lost their *lives* lie in their fear of losing their *power*. Since the question of power is a political issue, the nonverbal text thus becomes involved in the political context.

Keywords: character, motif, power, biography, poetics, history

References

Arrian (1993). *Pokhod Aleksandra* [Trans. by M. E. Sergeenko from *The Anabasis of Alexander* by Arrian]. Moscow: MIF. (In Russian).

Averintsev, S. S. (1994). Dobryi Plutarkh rasskazyvaet o geroiakh, ili schastlivyi brak biograficheskogo zhanra i moral'noi filosofii [Kind Plutarch tells of heroes, or the happy union of moral philosophy and the biography genre]. In Plutarkh (= Plutarch). *Sravnitel'nye zhizneopisaniia* [Parallel Lives] (Vol. 1), 637–653. Moscow: Nauka. (In Russian).

Nawotka, K. (2010). *Alexander the Great*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publ.

Plutarch (1967). *Plutarch's Lives. VII: Demosthenes and Cicero. Alexander and Caesar*. B. Perrin (Trans.) (Loeb Classical Library). Cambridge, MA: Harvard Univ. Press; London: William Heinemann Ltd. (In Greek and English).

Plutarkh (1990). Aleksandr [Trans. by. M. Botvinnik, I. Perel'muter from *Alexander* by Plutarch]. In Plutarkh. *Izbrannye zhizneopisaniia* [Selected *Parallel Lives*] (Vol. 2), 351–435. Moscow: Pravda. (In Russian).

Shakhermair, F. (1986). *Aleksandr Makedonskii* [Trans. from Schachermeyr, F. (1973). *Alexander der Grosse: Das Problem seiner Persönlichkeit und seines Wirkens*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften]. Moscow: Nauka; Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury. (In Russian).

Shifman, I. Sh. (2007). *Aleksandr Makedonskii* [Alexander the Great]. St. Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. (In Russian).

Teperik, T. F. (2015). Poetika neverbal'nogo povedeniia: Gomer [Non-verbal behavior in Homer's poetics]. In L. I. Zholudeva (Ed.). *Romanskie iazyki i kul'tury: ot antichnosti do sovremennosti: VII Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia [28–29 noiabria 2013 g., Sbornik materialov]*] [Selected papers from the VII International Conference "Romance Languages and Cultures: From Antiquity to Modernity", November 28–29, 2013, Moscow], 283–293

(Electronic edition). Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. Retrieved from http://www.philol.msu.ru/dcx/RomKonf2013_sbornik2015.pdf. (In Russian).

Teperik, T. F. (2016). Poetika neverbal'nogo povedeniia v "Sravnitel'nykh zhizneopisaniiakh" Plutarkha (na materiale biografii "Aleksandr") [Poetics of non-verbal behavior in Plutarch's "Parallel lives" (based on the "Life of Alexander")]. In T. A. Sharypina, I. K. Poluiakhtova, M. K. Men'shchikova (Eds.). *Natsional'nye kody evropeiskoi literatury XIX–XX vekov: Kollektivnaia monografiia* [National codes of European literature of the XIX–XXth centuries: A collective monograph], 19–28. Nizhny Novgorod: Nizhegorodskii gosudarstvennyi universitet im. N. I. Lobachevskogo. (In Russian).

Teperik, T. F. (2017). Motiv smekha v "Iulii Tsezare" Shekspira i ego antichnye istochniki [Motif of laughter in Shakespeare's *Julius Caesar* and its ancient sources]. In T. A. Sharypina, I. K. Poluiakhtova, M. K. Men'shchikova (Eds.). *Natsional'nye kody evropeiskoi literatury v kontekste istoricheskoi epokhi: Kollektivnaia monografiia* [National codes of European literature in the context of history: A collective monograph], 506–516. Nizhny Novgorod: Izdatel'stvo Nizhegorodskogo gosuniversiteta im. N. I. Lobachevskogo. (In Russian).

To cite this article:

Teperik, T. F. (2017). Neverbal'nyi tekst i politicheskii kontekst v biografii Plutarkha "Aleksandr" [The nonverbal text and political context in Plutarch's biography *Alexander*]. *Shagi / Steps, 3*(4), 213–223. (In Russian).

Received September 8, 2017